

Прошло много лет, но Цяо Юэ так и не смог забыть ту встречу.

Мальчик стоял против солнца. Кончики его иссиня-черных волос вспыхнули в контровом свете мягким ореолом, окрасившись в глубокие бронзовые тона. Взгляд был ясным и чистым, лишенным тени земной скверны — словно перед ним возник маленький ангел, случайно упавший с небес.

— Ты подожди меня, ладно? Я принесу лекарство!

— М-м?.. — Цяо Юэ выдал лишь слабый, вопросительный стон. Он почти не расслышал слов.

Мальчик с трудом приподнялся. Ободранные в лесу голени были густо покрыты алыми ссадинами. Опершись спиной о сухую солому, он тяжело и прерывисто дышал. Цяо Юэ казалось, что он умирает. Без лекарств, еды и воды в такой глуши ему было не выжить.

Детские крики и шум погони постепенно стихали вдали. Где-то совсем рядом, в густой траве, надрывно застрекотали цикады. Цяо Юэ вдруг захотелось рассмеяться.

Смерть была совсем близко.

Ему суждено было погибнуть в этой богом забытой глуши, там, где его никто не знал. Тело остынет, посинеет, начнет гнить... А потом придут люди и, морщась, будут ворчать, что он своей падалью осквернил их землю.

Никчемная жизнь.

За эти несколько минут в его голове пронеслось бесконечное множество мыслей. Он гадал: если бы ему дали шанс выжить, что бы он сделал? Кем бы стал? Обрывки идей и горькие, удушливые эмоции целиком завладели его разумом.

— Эй, ты как? Живой?

Кто это? Кто говорит? Маленький Цяо Юэ с трудом разлепил веки. Мир перед глазами сначала поплыл мутным пятном, и лишь через несколько секунд очертания реальности обрели четкость.

— Ты почему вернулся? — спросил он. В его голосе не было ничего, кроме холодного безразличия ко всему существу.

— Я... я принес воду и таблетки от жара, — мальчик улыбнулся ему — робко, чуть смущенно. — Это моя кружка. Если не брезгуешь, попей немного.

В руках Сяо Лу Си был дешевый пластиковый стаканчик небесно-голубого цвета с каким-то мультяшным принтом, наполненный водой больше чем наполовину. В другой руке он сжимал наполовину пустой блистер с таблетками. Увидев, что грязный маленький бродяжка не сопротивляется, Лу Си осторожно протянул ему воду.

В стакане была обычная теплая кипяченая вода, а лекарство — самое простое жаропонижающее.

Сначала Цяо Юэ сделал глоток, чтобы смочить пересохшее горло. У обычной безвкусной воды оказался странный, почти невозможный медовый привкус. Он молча проглотил таблетку и допил все до последней капли. Тепло разлилось по телу, и пустому, измученному желудку наконец стало легче.

Все это время маленький Лу Си послушно сидел рядом на корточках, не сводя с него глаз.

Цяо Юэ вдруг стало неловко за свой неопрятный вид и лохмотья. Он протянул стакан обратно и тихо пробормотал:

— Я не заразный. Если боишься, можешь обдать кружку кипятком... несколько раз.

— Да ничего, — Лу Си качнул головой. Он долго и пристально разглядывал Цяо Юэ, а потом вдруг выдал: — А ты очень красивый.

Ценитель прекрасного — это в нем было заложено с пеленок.

Даже слой дорожной пыли не мог скрыть тонких, изящных черт лица мальчика. Лу Си озадаченно почесал в затылке и пробормотал:

— Мама говорит, что родители бросают только некрасивых детей. Ты, наверное, просто не любил умываться, вот они тебя и оставили?

Цяо Юэ вспыхнул от обиды:

— Все не так! Меня похитили плохие люди.

— Плохие люди?! — мальчик округлил глаза. В них смешались восторг и испуг. — И где они? Давай пойдем и тайком побьем их!

Цяо Юэ лишь промолчал в ответ.

Когда первый порыв азарта утих, мягкое сердце Лу Си снова дало о себе знать. Он посмотрел

на Цяо Юэ с искренним состраданием:

— Ты помнишь, где твой дом? Как ты вернешься? Твои папа и мама, наверное, очень плачут.

— Я вернусь домой.

— Точно! Давай найдем дядю полицейского! Полицейские помогут тебе вернуться, хочешь? — Ребенок так и сиял.

Цяо Юэ нахмурился:

— Не надо. Я помню домашний номер. Мне просто нужно позвонить, и за мной приедут. — Кто знает, не в сговоре ли полиция с работоторговцами? Он не собирался сам прыгать тигру в пасть.

— Ого! У тебя дома есть телефон? Ничего себе, круто! — восхитился Лу Си.

В их глухой деревне телефоны были лишь у избранных. В семье Лу Си давно поговаривали о покупке, но отец твердил, что сначала нужно переехать в новый дом, а уж потом проводить связь. Так это дело и заглохло.

— А у вас разве нет? — Цяо Юэ был искренне ошарашен.

Лу Си честно мотнул головой.

— Вот оно как... — Сяо Цяо закусил губу, чувствуя, как тает его былая уверенность. — Слушай... а ты можешь найти место, откуда можно позвонить? Когда... когда я вернусь домой, я... я дам тебе очень много денег.

Похитители продавали детей ради наживы. Раз у него есть деньги, то за один звонок... Наверное, это сработает?

— Но у нас в деревне сейчас все телефоны сломались! — Лу Си был еще слишком мал, чтобы объяснять внятно. — Никуда не дозвониться, и к нам не пробиться. Если хочешь позвонить, надо ехать в город. Там один звонок стоит всего юань.

— Тогда я пойду в город прямо сейчас. — Цяо Юэ попытался подняться.

— Как ты пойдешь? — изумился Лу Си. — На автобусе до города ехать больше получаса. А у тебя жар! Вдруг тебя по дороге обидят плохие люди? И вообще... ты хоть дорогу знаешь?

Цяо Юэ замер.

Лу Си прикусил губу. Прошло несколько секунд, прежде чем он, словно идя на великую жертву, произнес:

— У нас на втором этаже никто не живет. Давай ты пока побудешь там несколько дней? Когда тебе станет лучше, у меня как раз будет день рождения. Дедушка даст мне карманных денег, и я отвезу тебя в город, идет?

Лу Си рос ребенком, полным сострадания. Будь перед ним взрослый, он бы и шагу навстречу не сделал, но это был такой же мальчишка, как он сам. Значит, привести его домой... совсем не страшно!

Этот ребенок казался мягким пушистым комочком. К тому же, судя по реакции деревенской детворы, чужаки здесь появлялись крайне редко. Значит, здесь безопасно.

На этом Цяо Юэ и порешил.

Так маленький Лу Си тайком провел гостя в свой дом. Здание было старым, в два этажа. Снизу жили люди, а наверху был лишь наспех сделанный ремонт — там сваливали всякий хлам и ненужную мебель.

Среди прочего там нашелся диван, который, если разложить, превращался в подобие кровати.

Лу Си стащил из шкафа внизу тонкое одеяло — на втором этаже было куда жарче, чем на первом.

Так было обустроено нехитрое убежище Цяо Юэ.

— Можешь спокойно жить здесь. К нам на второй этаж почти никто не заходит. Через три дня, когда пройдет мой день рождения, я отвезу тебя в город, — Лу Си лучезарно улыбнулся.

— Спасибо. — Цяо Юэ действительно не знал, что еще сказать.

— Пустяки! — Лу Си махнул рукой. Ему было просто жаль этого «маленького бродяжку». Он думал: если бы потерялся он сам, ему бы тоже хотелось, чтобы кто-нибудь помог.

Следующие два дня Лу Си втайне приносил ему еду. Боясь, что гость останется голодным, он таскал целые пачки печенья и персики из домашнего сада. В конце концов, это были подарки дедушки, так что он считал себя вправе распоряжаться ими как угодно.

На третий день наступил день рождения Лу Си. Семья купила большой торт, в доме было полно людей. Мальчик не решался подняться наверх, боясь выдать присутствие Цяо Юэ.

Лишь поздним вечером, когда терпение подошло к концу, Лу Си соврал бабушке, что проголодался. Он сам достал из холодильника лапшу и принялся кашеварить, не беспокоя стариков.

Дети в бедных семьях рано становятся взрослыми; Лу Си давно умел обращаться с газовой плитой.

Лапша получилась самой заурядной, к тому же он ее явно пересолил. Честно говоря, вышло не очень вкусно.

Однако Цяо Юэ и Шэнь Цзитуна казалось, что это была самая изысканная пища в их жизни. Снаружи уже стемнело. Они не решались зажечь свет, а потому просто шептались в густой темноте.

— Сегодня бабушка дал мне десять юаней на карманные расходы. Завтра я отвезу тебя домой.

— Угу! Когда я вернусь, я обязательно найду тебя.

— Договорились! Поклянемся на мизинцах. Сто лет — и ни одного слова лжи.

Две пары детских рук сплелись в темноте. За окном рассыпались искры звезд, и бледный лунный свет, льющийся в комнату, казался невероятно нежным.

— Чуть не забыл... С днем рождения, — Цяо Юэ вдруг смутился. — У меня сейчас нет подарка для тебя. Но когда я буду дома, я пришлю тебе очень много игрушек. Тех, что тебе нравятся.

— Мне не нужны игрушки, — маленький Лу Си оказался ребенком с тонкой душевной организацией. — Я люблю слушать песни. В прошлом году к нам в деревню приезжали показывать кино и пели... Это было так красиво.

— Тогда... тогда... — Цяо Юэ запнулся. В этот момент проявился Шэнь Цзитун — в общении он всегда был куда смелее. — Тогда я буду петь для тебя, идет? В будущем я выучу много-много красивых песен. Я буду петь, а ты — сидеть рядом и слушать.

Эти три дня стали для Цяо Юэ и Шэнь Цзитуна прекрасным сном. Им все еще казалось, что они заперты в том темном подвале и их вот-вот продадут, и только глядя на этого мальчика, они чувствовали, как липкий страх отступает, подобно отливу.

Он был для них теплым светом маяка, озарившим всё вокруг.

И тогда же они дали себе негласное обещание: как только вернутся домой, они заберут этого ребенка к себе. И больше никогда не расстанутся.

Навсегда. На веки вечные.

<http://bllate.org/book/17413/1659327>